

ВѢСТНИКЪ Е В Р О П Ы

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ — ПОЛИТИКИ — ЛИТЕРАТУРЫ

ДВѢСТИ-ПЯТЬДЕСЯТЬ-ЧЕТВЕРТЫЙ ТОМЪ

СОРОКЪ-ТРЕТІЙ ГОДЪ

ТОМЪ VI

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала:
Васильевскій-Островъ, 5-я линія,
№ 28.

Экспедиція журнала:
Петербургская-Осторона,
Бронверская ул., 21.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1908

АНТОНЪ ПАВЛОВИЧЪ

Ч Е Х О В Ъ

ЛАВОЧНИКЪ

I.

Антоша—ученикъ I-го класса таганрогской гимназіи—недавно пообѣдалъ и только-что усѣлся за приготовленіе уроковъ къ завтрашнему дню. Передъ нимъ латинская грамматика Кюнера. Урокъ по-латыни трудный: нужно сдѣлать переводъ и выучить слова. Потомъ—длинная исторія по Закону Божію. Придется посидѣть за работою часа три. Зимній короткій день уже подходитъ къ концу; на дворѣ почти темно, и передъ Антошей мигаетъ сальная свѣчка, съ которой приходится то-и-дѣло снимать щипцами нагарь.

Антоша обмакнулъ перо въ чернильницу и приготовился писать переводъ. Отворяется дверь, и въ комнату входитъ отецъ Антоши, Павелъ Егоровичъ, въ шубѣ и въ глубокихъ кожаныхъ калошахъ. Руки его—сѣро-синія отъ холода.

— Того...—говоритъ Павелъ Егоровичъ:—я сейчасъ уйду по дѣлу, а ты, Антоша, ступай въ лавку и смотри тамъ хорошенько.

У мальчика наворачиваются на глаза слезы, и онъ начинаетъ усиленно мигать вѣками.

— Въ лавкѣ холодно,—возражаетъ онъ,—а я и такъ озябъ, пока шелъ изъ гимназіи.

— Ничего... Одѣнься хорошенько—и не будетъ холодно.

— На завтра уроковъ много...

— Уроки выучишь въ лавкѣ... Ступай, да смотри тамъ хорошенько... Сворѣ!.. Не копайся!..

Антоша съ ожесточеніемъ бросаетъ перо, заклопываетъ Кювера, напяливаетъ на себя съ горькими слезами ватное гимназическое пальто и кожаняя рванья калоши и идетъ вслѣдъ за отцомъ въ лавку. Лавка помѣщается тутъ же, въ этомъ же домѣ. Въ ней—невесело, а главное—ужасно холодно. У мальчиковъ-лавочниковъ Андрюшки и Гаврюшки—синія руки и красные носы. Они поминутно постукиваютъ ногою объ ногу и ёжятся, и сутуловато жмутся отъ мороза.

— Садись за конторку!—приказываетъ Антошѣ отецъ и, перекрестившись нѣсколько разъ на икону, уходитъ.

Мальчикъ, не переставая плавать, заходитъ за прилавокъ, взбирается съ ногами на ящикъ изъ-подъ казанскаго мыла, обращенный въ сдѣльнѣ передъ конторкой, и съ досадою тычетъ безъ всякой надобности перомъ въ чернильницу. Кончикъ пера втыкается на ледъ: чернила замерзли. Въ лавкѣ такъ же холодно, какъ и на улицѣ, и на этомъ холодѣ Антошѣ придется просидѣть, по крайней мѣрѣ, часа три: онъ знаетъ, что Павелъ Егоровичъ ушелъ надолго... Онъ запикиваетъ руки въ рукава и стѣживается такъ же, какъ и Андрюшка и Гаврюшка. О латинскомъ переводѣ нечего и думать. Завтра—единица, а потомъ—строгій нагоняй отъ отца за дурную отмѣтку...

Едва-ли многимъ изъ читателей и почитателей покойнаго Ант. П. Чехова извѣстно, что судьба въ ранніе годы его жизни заставляла его играть за прилавкомъ роль мальчика-лавочника въ бакалейной лавкѣ средняго разряда. И едва-ли кто повѣритъ, что этотъ строгій и безусловно честный писатель-идеалистъ былъ знакомъ въ дѣтствѣ со всѣми приемами обмѣриванія, обвѣшиванія и всяческаго торговаго мелкаго плутовства. Покойный Антонъ Павловичъ прошелъ изъ-подъ палки эту безпощадную подневольную шволу цѣликомъ и вспоминалъ о ней съ горечью всю свою жизнь. Ребенкомъ онъ былъ несчастный человѣкъ.

Въ его произведеніяхъ внимательному читателю бросается въ глаза одна, не особенно замѣтная съ перваго взгляда черта: всѣ выведенныя имъ дѣти—существа страдающія или же угнетенныя и подневольныя. Варьѣ, отданной въ услуженіе къ мастеровому, нѣтъ времени выспаться, и она душитъ ребенка; колыбели, чтобы сладко заснуть („Спать хочется“). Егорушка, втораго родственникъ и сельскій священникъ везутъ въ городъ яться,—не выдается во всемъ длинномъ разказѣ („Степь“)

одной чертой, которая говорила бы о его жизнерадостности. же группа дѣтей, такъ оживленно играющая въ лото („Дѣт-

вора"), играет не въ силу потребности дѣтски-беззащитно повеселиться, а отъ гнетущей скуки, на которую обрекли эту дѣтвору уѣхавшіе въ гости родители. Большинство чеховскихъ дѣтей нарисовано авторомъ такъ, что читателю, познакомившемуся съ ними, невольно дѣлается какъ-то жаль ихъ и грустно.

Этотъ тонъ и эти мастерски написанные, съ оттѣнкомъ грусти, портреты дѣтвора выхвачены прямо изъ жизни и находятъ себѣ объясненіе въ далекомъ прошломъ автора и въ его собственномъ дѣтствѣ. Въ зрѣлые годы своей жизни онъ не разъ говаривалъ въ интимномъ кружкѣ родныхъ и знакомыхъ:

— Въ дѣтствѣ у меня не было дѣтства...

Антонъ Павловичъ только издали видѣлъ счастливыхъ дѣтей, но самъ никогда не переживалъ счастливаго, беззаботнаго и жизнерадостнаго дѣтства, о которомъ было бы пріятно вспомнить, пересматривая прошлое. Семейный укладъ сложился для покойнаго писателя такъ неудачно, что онъ не имѣлъ возможности ни побѣгать, ни порѣзвиться, ни пошалить. На это не хватало времени, потому что все свое свободное время онъ долженъ былъ проводить въ лавкѣ. Кромѣ того, на всемъ этомъ лежалъ отцовскій запретъ; бѣгать нельзя было потому, что „сапоги побьешь“; шалить запрещалось оттого, что „балуются только уличные мальчишки“; играть съ товарищами—пустая и вредная забава: „товарищи Богъ знаетъ чему научатъ“...

— Нечего баблужи битъ на дворѣ; ступай лучше въ лавку, да смотри тамъ хорошенько; приучайся къ торговлѣ!—слышалъ постоянно Антонъ Павловичъ отъ отца.—Въ лавкѣ, по крайней мѣрѣ, отцу помогаешь...

И Антону Павловичу приходилось съ грустью и со слезами отказываться отъ всего того, что свойственно и даже настоятельно необходимо дѣтскому возрасту и проводить время въ лавкѣ, которая была ему ненавистна. Въ ней онъ, съ грѣхомъ пополамъ, училъ и не доучивалъ уроки, въ ней переживалъ зимніе морозы и воченѣлъ и въ ней же тоскливо, какъ узникъ въ четырехъ стѣнахъ, долженъ былъ проводить золотые дни гимназическихъ каникулъ. Товарищи въ это время жили по-человѣчески, запасались подъ яркимъ южнымъ солнцемъ здоровьемъ, а онъ сидѣлъ за прилавкомъ отъ утра до ночи, точно прикованный цѣпью. Лавка эта съ ея мелочною торговлей и уродливой, односторонней жизнью отняла у него многое.

Сидя у конторки за прилавкомъ, получая съ покупателей деньги и давая сдачу, Антоша видитъ постоянно одни и тѣ же, давно знакомыя и давно уже надобвшія лица съ одними и

тѣми же рѣчами. Это — мелкіе хлѣбные маклера-завсегдатаи, свившіе себѣ гнѣздо въ лавкѣ Павла Егоровича. Лавка служитъ для нихъ клубомъ, въ которомъ они за рюмкою водки праздно убиваютъ время. А зимою дѣла у нихъ нѣтъ никакого: привоза зернового хлѣба изъ деревень нѣтъ, имъ покупать и перепродавать нечего. Купля и перепродажа идутъ у нихъ только лѣтомъ и осенью. Перехвативъ ѣдущаго въ городъ съ хлѣбомъ мужика еще на дорогѣ, они покупаютъ у него товаръ, перепродаютъ съ надбавкою крупному экспортеру въ родѣ Вальяно или Скараманги — и этимъ ремесломъ и живутъ. У каждого изъ нихъ есть квартира и семья, но они предпочитаютъ проводить время въ лавкѣ Павла Егоровича и отъ времени до времени выпивать въ круговую по стаканчику водки, — благо хозяинъ вѣрять имъ въ долгъ и почти всегда составляетъ имъ компанію. Говорятъ они обо всемъ, но большею частью пробавляются выдохшимися и не всегда приличными анекдотами, и при этомъ всегда прибавляютъ:

— А ты, Антоша, не слушай. Тебѣ рано еще...

Павель Егоровичъ — отецъ Антоши — торговалъ бакалейнымъ товаромъ. На его большой черной вывѣскѣ были выведены сусальнымъ золотомъ слова: „Чай, сахаръ, кофе и другіе колониальные товары“. Вывѣска эта висѣла на фронтонѣ, надъ входомъ въ лавку. Немного ниже помѣщалась другая: „На выносъ и распивочно“. Эта послѣдняя обозначала собою существованіе погреба съ сантуринскими винами и съ неизбѣжною водкой. Внутренняя лѣстница вела прямо изъ погреба въ лавку, и по ней всегда бѣгали Андрюшка и Гаврюшка, когда кто-нибудь изъ покупателей требовалъ полкварти сантуринскаго, или же кто-нибудь изъ праздныхъ завсегдатаевъ приказывалъ:

— Принеси-ка, Андрюшка, три стаканчика водки, а вы, Павель Егорычъ, запишите за мной...

Оба торговныя заведенія — и бакалейная лавка, и винный погребъ — были тѣсно связаны между собою и составляли одно цѣлое, и въ обоихъ Антоша торговалъ, отвѣшивая и отмѣривая и даже обвѣшивая и обмѣривая, насколько ему позволяли его дѣтскія силы и смекалка. Потомъ уже, когда онъ подросъ и вошелъ въ разумъ, мелкое плутовство стало ему противнымъ и онъ началъ съ нимъ энергичную борьбу, но, будучи мальчикомъ-подросткомъ, и онъ подчинился безсознательно общему ходу торговли, и на немъ лежала печать мелкаго торгаша со всѣми ея недостатками.

Тѣмъ лицамъ, которыя знакомы лишь съ столичными коло-

ніальными магазинами въ родѣ Милютиныхъ рядовъ на Невскомъ, едва-ли удастся составить себѣ представленіе о томъ, что такое бакалейная лавка въ провинціи, да еще въ то отдаленное время, когда Антоша былъ подросткомъ. Даже столичную овощную лавочку, въ которой торговля ведется по мелочамъ, нельзя сравнить съ бакалейною лавкой Павла Егоровича. Это было весьма своеобразное торговое заведеніе, вызванное въ жизни только мѣстными условіями. Здѣсь можно было приобрести четверку и даже два золотника чаю, банку помады, дрянной перочинный ножикъ, пузырекъ кастороваго масла, пряжку для жакета, фитиль для лампы и какую-нибудь лекарственную траву или цѣлебный корень въ родѣ ревеня. Тутъ же можно было выпить рюмку водки и напиться сантуринскимъ виномъ до полнаго опьяненія. Рядомъ съ дорогимъ прованскимъ масломъ и дорогими же духами „Эссъ-Букетъ“, продавались маслинны, винныя ягоды, мраморная бумага для облейки книгъ, веросинъ, макароны, слабительный александрійскій листъ, рисъ, аравійскій кофе и сальные свѣчи. Рядомъ съ настоящимъ чаемъ продавался и спитой чай, собранный евреями въ трактирахъ и гостиницахъ, высушенный и подкрашенный. Конфеты, пряники и мармеладъ помещались по сосѣдству съ ваксою, сардинами, савдаломъ, сеledками и жестянками для керосина или коноплянаго масла. Мука, мыло, гречневая крупа, табакъ-махорка, нашатырь, проволочныя мышеловки, камфора, лавровый листъ, сигары „Лео Виссора въ Ригѣ“, вѣники, сѣрныя спички, изюмъ и даже стрихнинъ (кучелеба) уживались въ самомъ мирномъ сосѣдствѣ. Казанское мыло, душистый кардамонъ, гвоздика и крымская крупная соль лежали въ одномъ углу съ лимонами, копченой рыбой и ременными поясами. Словомъ, это была смѣсь самыхъ разнообразныхъ товаровъ, не поддающихся никакой классификаціи. Лавка Павла Егоровича была въ одно и то же время и бакалейной лавкой, и аптекой безъ разрѣшенія начальства, и мѣстомъ распивочной торговли, и складомъ всяческихъ товаровъ, — до аеонскихъ и іерусалимскихъ, будто бы, святыхъ включительно, — и клубомъ для праздныхъ завсегдатаевъ. И весь этотъ содомъ, весь этотъ хаосъ ютился на очень небольшомъ пространствѣ обыкновеннаго лавочнаго помещенія съ полками по стѣнамъ, съ страшно грязнымъ поломъ, съ обитымъ рваною клеенкою прилавкомъ и съ небольшими окнами, защищенными съ улицы рѣшетками, какъ въ тюрьмѣ.

Въ лавкѣ, несмотря на постоянно открытыя двери на улицу, стоялъ и смѣшанный запахъ съ преобладающимъ букетомъ де-

ревяннаго масла, казанскаго мыла, керосина и селедокъ, а иногда и сивухи. И въ этой атмосферѣ хранился чай—продуктъ, какъ извѣстно, очень чуткій и воспріимчивый къ постороннимъ запахамъ. Были ли покупатели Павла Егоровича людьми нетребовательными и не особенно разборчивыми, или же чай, лежа цѣлыми мѣсяцами рядомъ съ табакомъ и мыломъ, удачно сохранялъ свой аромать—сказать трудно. Но покупатели не жаловались. Бывали, правда, случаи, что сахаръ отдавалъ керосиномъ, кофе—селедкою, а рисъ—сальною свѣчкою, но это объяснялось нечистотою рукъ Андрюшки и Гаврюшки, которые тутъ же и получали возмездіе въ формѣ подзатыльниковъ или оплеухъ—и нарочно въ присутствіи публики, чтобы покупатель видѣлъ, что съ виновныхъ взыскивается неукоснительно и строго.

То были блаженныя, патріархальныя времена, когда не существовало ни санитарныхъ правилъ, ни разныхъ обязательныхъ постановленій, и когда представитель пожарной команды, на котораго былъ возложенъ надзоръ за храненіемъ въ лавкахъ керосина и огнеопасныхъ веществъ, дѣлалъ періодическіе набѣги и, выпивъ нѣсколько рюмокъ водки и получивъ два-три двугривенныхъ, мирно уходилъ и только на порогѣ вспоминалъ:

- А какъ у васъ... тово?..
- Слава Богу, все хорошо-съ...
- Безопасно?
- Вполнѣ безопасно-съ...
- Ну, то-то же... А то вѣдь сгорите...

Существовала одна лишь торговая депутація, но и та преслѣдовала однѣ только фискальныя цѣли: всѣ ли торговые документы на лицо; а до остального ей не было дѣла. Торгуи хоть хлѣбомъ съ тараканами—это ей не касалось.

Антоша, сидя въ лавкѣ, долженъ былъ знать, гдѣ, на какой полкѣ и въ какомъ ящикѣ хранится такой-то товаръ. Павелъ Егоровичъ требовалъ, чтобы все отпускалось покупателю безъ замедленія и моментально. Если покупатель требовалъ сальную свѣчу за три копѣйки, перцу на копѣйку и за двѣ копѣйки селедку, то Андрюшка стремглавъ летѣлъ внизъ по лѣстницѣ въ погребъ за свѣчкой, Гаврюшка лѣзъ подъ самый потолокъ за чердемъ, а Антоша вылавливалъ брючкомъ на палкѣ изъ боченка жавую астраханку.

Назначеніе многихъ товаровъ было для Антоши-гимназиста олдое время загадкою.

— Папаша, для чего продается семибратняя кровь?—спрашивалъ онъ у отца.

— Отъ лихорадки.

— А гнѣздо?

— Когда выростешь, тогда и узнаешь...

Семибратняя кровь — это известковый скелетъ привозимаго изъ-за-границы коралла. Это — трубчатый камень темно-малиноваго цвѣта, совершенно нерастворимый въ водѣ. Отъ такого лекарства всякій докторъ пришелъ бы въ ужасъ. Но обыватели толкли его въ порошокъ, пили съ водкою во время лихорадки и... слава Богу, оставались живы. А пресловутое „гнѣздо“ такъ и осталось для Антона Павловича неразгаданнымъ даже и тогда, когда онъ уже самъ былъ врачомъ. Въ составъ этого удивительнаго лекарства входило многое множество какихъ-то травъ, порошковъ и минераловъ. Антонъ Павловичъ уже въ зрѣлые годы пробовалъ записать по памяти составъ этого „гнѣзда“ и вспоминалъ, между прочимъ, что туда входили: нефть, металлическая ртуть (живое серебро), азотная кислота (острая водка), семибратняя кровь, стрихнинъ (кучелеба), сулема, какой-то дековтъ въ видѣ длинныхъ сѣрыхъ палочекъ и цѣлая уйма всякой дряни. Все это наставлялось на водкѣ и давалось внутрь столовыми ложками.

Употребленіе этого лекарства Антоша узналъ случайно раньше того времени, которое Павелъ Егоровичъ опредѣлилъ словами: „когда выростешь, тогда и узнаешь“. Вошелъ однажды въ лавку хохолъ и потребовалъ у Павла Егоровича „четверть гнѣзда“. Антоша былъ тутъ же.

— Для какой вамъ надобности? — освѣдомился Павелъ Егоровичъ.

— Жинна родила, и теперь у нея въ животѣ уже третій мѣсяць золотникъ ходитъ, — отвѣтилъ хохолъ.

Антоша тотчасъ же вообразилъ, что хохлушка, о которой шла рѣчь, вѣроятно нечаянно проглотила тотъ самый мѣдный золотникъ, который кладется на вѣсы, когда отвѣшивается на двѣ копѣйки чаю. Но для Павла Егоровича этого діагноза было совершенно достаточно, и онъ немедленно принялся за приготовленіе лекарства.

— А будетъ ли „гнѣздо“ дѣйствовать? — усумнился хохолъ.

— Непремѣнно подѣйствуетъ, — увѣренно отвѣтилъ Павелъ Егоровичъ. — Самъ видишь, тутъ разныя специн: одно потянетъ сюда, другое — туда; золотникъ и перестанетъ ходить по животу...

Хохолъ удовлетворился вполне этимъ отвѣтомъ, уплатилъ деньги и ушелъ совершенно довольный. Но Антонъ Павловичъ

потомъ, уже изучая въ университетѣ химию, никакъ не могъ додуматься до того, какую пользу могла принести роженицѣ металлическая ртуть, принятая внутрь въ смѣси съ нефтью и азотной кислотой.

— Много, вѣроятно, отправило на тотъ свѣтъ людей это „гнѣздо“, — говаривалъ онъ, уже будучи врачомъ.

А между тѣмъ въ дни дѣтства онъ отвѣшивалъ разныя снадобья для этого лекарства съ такою спокойною совѣстью, съ какою отвѣшивалъ кофе или отмѣривалъ конопляное масло...

Долго помнилъ Антонъ Павловичъ и какой-то „сорокатравникъ“, продававшійся въ пакетахъ, завернутыхъ въ выцвѣтшую золотую и серебряную бумагу. Что это были за травы — такъ и осталось неизвѣстнымъ; извѣстно было только одно, что водочный настой ихъ рекомендовался, буквально, отъ всѣхъ болѣзней, особенно же при горячкѣ. Помнилъ Антонъ Павловичъ также и „всенципляющий пластырь доктора Алявринскаго“, продававшійся въ круглыхъ картонныхъ коробочкахъ. Съ этимъ пластыремъ, между прочимъ, на глазахъ у Антоши былъ произведенъ экспериментъ. По Таганрогу ходилъ и нищенствовалъ дурачокъ Климеа. Зашелъ онъ въ милостыней и въ лавку къ Павлу Егоровичу какъ разъ въ то время, когда компанія праздныхъ маклеровъ-завсегда-таевъ была уже порядочно на взводѣ. Отъ нечего-дѣлать эта милая компанія предложила Климеѣ стаканъ водки и пятакъ подъ условіемъ, что онъ закуситъ выпивку пластыремъ Алявринскаго. Дурачокъ согласился и съѣлъ цѣлую коробочку. Послѣ этого его еще много лѣтъ видѣли на похоронныхъ и свадебныхъ процессіяхъ здоровымъ и невредимымъ...

Несмотря, однакоже, на такой удачный исходъ, пластырь этотъ находилъ себѣ мало покупателей. Одну коробку его взялъ полицейскій чиновникъ для своей опаршивѣвшей охотничьей собаки, но денегъ не заплатилъ, а Павелъ Егоровичъ напомнить ему о долгѣ не рѣшался, и только однажды, при встрѣчѣ на базарѣ, занеживающимъ тономъ спросилъ:

— Что, какъ собачка ваша? Поправилась отъ пластыря?

— Издохла, — отвѣтилъ угрюмо полицейскій. — У нея въ животѣ завелись черви...

II.

— Антоша, бери ключи и ступай съ Андрюшкой и Гаврюш-й отпирать лавку! А я въ поздней обѣднѣ пойду, — отдастъ приказъ Павелъ Егоровичъ.

Мальчикъ съ кислою миной поднимается изъ-за стола, за которымъ только-что пилъ чай, и безъ возраженій идетъ исполнять приказаніе, хотя ему и очень грустно. Онъ еще вчера условился съ товарищемъ-сосѣдомъ придти къ нему играть въ мячъ.

— Павелъ Егоровичъ, пожалѣй ты ребенка! — вступается Евгенія Яковлевна, мать Антоши. — Вѣдь ты его чуть-свѣтъ разбудилъ къ ранней обѣдѣ... Онъ обѣдню выстоялъ, потомъ домашній аваенстъ выстоялъ... Ты ему не далъ даже и чаю напиться, какъ слѣдуетъ... Онъ усталъ...

— Пускай приучается, — отвѣчаетъ Павелъ Егоровичъ. — Я тружусь, пускай и онъ трудится... Дѣти должны помогать отцу.

— Онъ и такъ всю недѣлю въ лавкѣ сидитъ. Дай ему хоть въ воскресенье отдохнуть.

— Въмѣсто отдыха онъ баловаться съ уличными мальчишками начнетъ... А если въ лавкѣ никого изъ дѣтей не будетъ, такъ Андрюшка съ Гаврюшкой начнутъ пряники и конфеты лопать, а то и деньги воровать станутъ... Сама знаешь, безъ хозяина товаръ плачетъ...

Противъ этого аргумента даже и Евгенія Яковлевна ничего возражать не можетъ, и ея доброе материнское чувство невольно отступаетъ на второй планъ. Она также, какъ и Павелъ Егоровичъ, убѣждена въ томъ, что Андрюшка и Гаврюшка — страшные воры и что за ними нужно смотрѣть и смотрѣть, хотя ни одинъ изъ нихъ до сихъ поръ еще не былъ уличенъ.

Бакалейная торговля въ своей внутренней жизни имѣетъ довольно большое мѣсто: мелкія хищенія — съ одной стороны и болѣзненная подозрительность — съ другой. Хозяину кажется, что пряники, орѣхи, конфеты и всякій съѣдобный товаръ очень соблазнительны для мальчиковъ-лавочниковъ, а дорогіе деликатесы въ родѣ икры и балыка — для привазчиковъ. Поэтому у него всегда болитъ сердце. Онъ не можетъ отлучиться изъ лавки ни на одну минуту безъ того, чтобы его не преслѣдовала мысль о расхищеніи его добра. Ему вѣчно грезится, что его служебный персоналъ безъ него набиваетъ себѣ рты и карманы самымъ безсовѣстнымъ образомъ. Павелъ Егоровичъ на этотъ счетъ не составлялъ исключенія, и всегдашней его поговоркою было:

— Безъ хозяина товаръ плачетъ... Свой глазъ всегда нуженъ...

Въ виду этого всѣ дѣти Павла Егоровича испытали на себѣ каторжную тяготу сидѣнія въ лавкѣ въ качествѣ „своего глаза“. Но болѣе всего доставалось двумъ старшимъ сыновьямъ — Сашѣ и Антошѣ. Эти съ самыхъ дѣтскихъ, юныхъ лѣтъ сдѣлались

постоянными и неотлучными сидѣльцами за прилавкомъ. Боязнь хищеній была такъ велика, что если Павлу Егоровичу нужно было отлучиться, когда дѣти были въ гимназiи, то онъ обращался къ женѣ:

— Иди хоть ты, посиди, покажѣсть я вернусь...

Пока Андрюшка и Гаврюшка отпирали лавку, выметали полъ и приводили въ порядокъ мѣшки и ящики съ товаромъ, придавая имъ приличный видъ, Антоша безучастно смотрѣлъ на ихъ работу и думалъ только о себѣ, объ игрѣ въ мячъ, съ которой теперь нужно было распрощаться, и о своей каторжной жизни. Потомъ его мысли перешли на гимназiю, и онъ съ ужасомъ вспоминалъ, что, благодаря лавкѣ же, получилъ вчера двойку, и что за эту подлую отмѣтку ему еще придется отвѣчать передъ отцомъ. Павелъ Егоровичъ никакъ не могъ допустить, чтобы въ лавкѣ нельзя было приготовить какой-нибудь глупой латыни, и объяснялъ дурныя отмѣтки дѣтей лѣнностью и разсѣянностью.

— Вѣдь нахожу же я время прочитать за конторкою двѣ каѳизмы изъ Псалтири, а ты не можешь маленькаго урока выучить!..—упрекалъ онъ виновнаго сына. — Если еще разъ принесешь дурныя отмѣтки, я тебя выдеру, какъ Сидорову козу...

Павелъ Егоровичъ, какъ религіозный человекъ, дѣйствительно имѣлъ обыкновеніе читать каждый день по главѣ Евангелiя и Апостола и по двѣ каѳизмы изъ Псалтири, но это была работа механическая, безъ пониманiя и безъ смысла, — лишь бы было вычитано до конца. Такъ, если вѣрить рассказамъ, калмыки въ степяхъ заставляють вѣтеръ вертѣть мельнички, нутро которыхъ начинено бумажками съ молитвами. Чѣмъ больше разъ обернется мельничка, тѣмъ ближе калмыкъ къ Богу... Уходя изъ дому надолго, Павелъ Егоровичъ сплошь и рядомъ обращался къ Самѣ или къ Антошѣ съ приказаніемъ:

— Вычитай безъ меня двѣ каѳизмы съ того мѣста, гдѣ ленточкою заложено... Все-таки не праздно сидѣть будешь...

И на этотъ разъ, уходя къ поздней обѣднѣ и уводя съ собою прочихъ дѣтей, отецъ обратился къ Антошѣ съ тою же фразой:

— Почитай Псалтирь, пока мы будемъ въ церкви...

Съ уходомъ хозяина, Андрюшкѣ и Гаврюшкѣ стало вдругъ скучно. Они уже не такъ усердно приводили лавку въ порядокъ и даже пустились съ Антошей въ разговоры.

— А знаешь, Антоша, — заговорилъ тайно Гаврюшка, — воробьиное гнѣздо нашелъ.

— Гдѣ? — живо встрепенулся Антоша.

— Въ сарайчикѣ. Пошелъ туда за углемъ и слышу — подъ

крышей: цвиринь-цвиринь... Полѣзъ туда, а тамъ — гнѣздо и пять маленькихъ-маленькихъ яичекъ...

— Покажи мнѣ...

— Послѣ когда-нибудь покажу... Когда въ другой разъ папаша не будетъ дома.

Теперь Антоша вабылъ все: и двойку, и мячь, и Псалтирь, которую съ такою неохотой и досадой взялъ-было въ руки. Теперь онъ весь поглощенъ интереснымъ открытіемъ Гаврюшки.

Андрюшка и Гаврюшка — его друзья, настолько, конечно, насколько допустима дружба между хозяйскимъ сыномъ и мальчишками-лавочниками, состоящими и обязанными состоять въ подчиненіи и не вазнаваться.

Андрюшка и Гаврюшка — родные братья, привезенные матерью-крестьянкой изъ Харьковской губерніи и отданные къ Павлу Егоровичу въ „ученье на года“. Когда ихъ привезли, первому было двѣнадцать, а второму — только десять лѣтъ. Еслибы ихъ мать-хохлушка, задавшаяся цѣлью „вывести своихъ дѣтей въ люди“, знала заранѣе, на какую жизнь она ихъ обрекаетъ, — то оба они навѣрное ходили бы до конца дней въ своей родной слободѣ за плугомъ. Она, эта мать, увидѣла бы, что самая тяжелая крестьянская жизнь во-сто разъ легче той, которую вели въ городѣ эти два несчастные хохленка. Они были отданы, или, вѣрнѣе, закабалены на пять лѣтъ каждый, безъ всякаго жалованья, за одни только харчи и платье. Жалованье начиналось только на шестой годъ, и то — по усмотрѣнію хозяина.

Лавка открывалась и лѣтомъ, и зимою въ пять часовъ утра, а запиралась не ранѣе одиннадцати часовъ вечера, а если за-всегдаши заснживались въ пріятной бесѣдѣ, — то и въ первомъ часу ночи. Поэтому Андрюшка съ Гаврюшкой никогда не высыпались и ходили вѣчно сонные и способные спать среди дня въ какомъ угодно положеніи — и сидя, и стоя. Все свое свободное время они должны были стоять въ дверяхъ лавки, высматривать покупателей и звать ихъ. Но они, прислонившись къ двернымъ косякамъ, превосходно спали. При этомъ у нихъ подкашивались въ колѣняхъ ноги; они присѣдали и опять, во снѣ же, нервно вскакивали и выпрямлялись. Хожденіе на базаръ за провизіей, черныя работы по дому и бѣготня по порученіямъ лежали на ихъ обязанности. Какъ они выдерживали все это — трудно сказать. Если же прибавить къ этому, что при такой работѣ ходить въ баню было некогда и оба они представляли собою подобіе ходячихъ звѣрицевъ, то можно смѣло сказать, что

едва-ли нашелся бы въ мірѣ человекъ, который позавидовалъ бы этимъ хохлятамъ...

Антоша чувствовалъ къ нимъ симпатію, потому что ихъ на его глазахъ били. Онъ съ самыхъ раннихъ лѣтъ подъ благотѣльнымъ вліяніемъ матери не могъ видѣть равнодушно жестокаго обращенія съ животными и почти плакалъ, если видѣлъ, что ломовой извозчикъ бьетъ лошадь. А когда били людей, то съ нимъ дѣлалась нервная дрожь. Въ обиходѣ же Павла Егоровича оплеушины, подзатыльники и порка были явленіемъ самымъ обыкновеннымъ, и онъ широко примѣнялъ эти исправительныя мѣры и къ собственнымъ дѣтямъ, и къ хохлятамъ-лабочникамъ. Передъ нимъ всѣ трепетали и боялись его пуще огня. Евгенія Яковлевна постоянно возставала противъ этого, но получала всегда одинъ и тотъ же отвѣтъ:

— И меня такъ же учили, а я, какъ видишь, вышелъ въ люди. За битыхъ двухъ небитыхъ даютъ. Оттого, что дурава поучишь,—ничего худого, кромѣ пользы, не сдѣлается. Самъ же потомъ благодарить будетъ...

Павелъ Егоровичъ говорилъ это искренно и вѣрилъ въ то, что говорилъ. По природѣ онъ былъ вовсе не злымъ и даже скорѣе добрымъ человекомъ, но его жизнь сложилась такъ, что его съ самыхъ пеленокъ драли и въ концѣ концовъ заставили увѣровать въ то, что безъ лозы воспитать человека невозможно. Разубѣдился онъ въ этомъ уже въ глубокой старости, когда жилъ на покой у Антона Павловича—тогда уже известнаго писателя—въ Мелиховѣ, подъ Москвою. Въ Мелихово часто съѣзжались изъ Петербурга и изъ Москвы всѣ дѣти Павла Егоровича—уже женатые и семейные люди. Самыя интересныя бесѣды въ тѣсномъ семейномъ кругу, подъ предсѣдательствомъ Антона Павловича, велись большей частью за столомъ и особенно—за ужиномъ, послѣ дневныхъ трудовъ и работъ. Однажды стали въ присутствіи Павла Егоровича вспоминать прошлое и, между прочимъ, вспомнили и лозу. Лицо старика опечалилось.

— Пора бы ужъ объ этомъ и позабыть,—проговорилъ онъ виноватымъ тономъ. — Мало ли что было въ прежнее время?! Прежде думали иначе...

Проводивъ отца и братьевъ къ обѣднѣ и выслушавъ отъ зрюшки исторію о найденномъ воробьиномъ гнѣздѣ, Антоша пробовалъ было заняться Псалтирью, но это ему показалось чуждымъ. Онъ переложилъ ленточку за нѣсколько листовъ реди и отложилъ книжку въ сторону. Все равно, отецъ пометъ, что эти листки прочитаны...

Скучно. Покупателей еще нѣтъ. Андрюшка усѣлся въ соседней съ лавкою комнатѣ, на ящикѣ изъ-подъ мыла, облокотился объ столъ и сладко спитъ. Гаврюшка тоже дремлетъ и присѣдаетъ колѣнками въ дверяхъ. Отъ нечего-дѣлать Антоша начинаетъ наблюдать надъ мухоловкой и слѣдить, какъ гибнуть въ ней мухи. Въ лѣтнее время въ лавкѣ мухъ — миллиарды. Отъ нихъ весь товаръ завѣшивается сплошнымъ кускомъ зеленой марли отъ потолка и почти до пола. Но пріятный запахъ лавки и сластей привлекаетъ тучи этихъ насѣкомыхъ. Чтобы хоть немного избавиться отъ нихъ, придуманъ нехитрый, но, по правдѣ сказать, отвратительный способъ ихъ ловли. Большая стеклянная банка изъ-подъ варенья наливается до половины подслащенной медомъ водою и плотно закрывается сверху коркою черного хлѣба, въ центрѣ которой просверлена небольшая дырочка. Мухи пролѣзаютъ въ эту дырочку въ банку и уже назадъ не возвращаются — почему-то тонуть въ водѣ. Часа черезъ три воды уже нѣтъ: вмѣсто нея — отвратительная каша изъ мертвыхъ и раздувшихся мухъ... Антоша смотритъ, какъ мухи вползаютъ въ дырочку и смотритъ долго-долго...

Является первый покупатель — еврейскій мальчикъ лѣтъ шести.

— Дайте на двѣ копѣйки чаю и на три копѣйки сахару, — говоритъ онъ съ акцентомъ и выкладываетъ на прилавокъ пятакъ.

Антоша достаетъ изъ ящика уже развѣшанный въ маленькіе пакетики товаръ и подаетъ. Но Гаврюшка не прочь позабавиться надъ маленькимъ покупателемъ и загоразиваетъ дорогу къ дверямъ:

— Хочешь, я тебя свинымъ саломъ накормлю? — говоритъ онъ.

Еврейчикъ пугается, собирается заплакать и вызываетъ къ отсутствующей матери:

— Маме!..

— Лучше отрѣжемъ ему ухо! — добавляетъ проснувшійся Андрюшка.

— Маме! — уже совсѣмъ плачетъ ребенокъ.

Антоша въ свою очередь не выдерживаетъ и прибавляетъ отъ себя уличную цѣсенку:

— Жидъ-вапсанъ, свинью сосалъ, да не высосалъ...

Напуганный еврейчикъ стремглавъ выбѣгаетъ изъ лавки, и можно быть увѣреннымъ, что онъ за слѣдующей покупкой пойдетъ уже въ другую лавку. Еслибы Павелъ Егоровичъ зналъ,

что въ его отсутствіе такъ обращаются съ покупателями, то порка была бы неизбежною. Впрочемъ и на этотъ разъ Немеида не дремлетъ. Съ маленькимъ еврейчикомъ въ дверяхъ сталкивается завсегдашій, маклеръ Николай Стаматичъ, о которомъ даже самые близкіе къ нему люди говорили, что онъ—грекъ-не-грекъ, русскій-не-русскій, армянинъ-не-армянинъ, а такъ чортъ его знаетъ, что онъ такое... Онъ слышалъ разговоръ съ еврейскимъ мальчикомъ и уже на порогъ съ торжествующимъ видомъ восклицаетъ:

— Хорошо же вы безъ хозяина торгуете, нечего сказать! Этакъ вы покупателей только отбиваете. Погоди, Антоша, а это папашѣ расскажу. Онъ тебя березовой кашей покормитъ...

Антоша блѣднѣетъ и душа его забирается въ пятки.

— Андрюшка, подай стаканчикъ водки!

Николай Стаматичъ усаживается на стулъ и долго читаетъ правоученіе, отъ котораго всѣхъ троихъ мальчугановъ бросаетъ то въ жаръ, то въ холодъ. Проповѣдникъ видитъ произведенный эффектъ и все больше и больше воодушевляется. Антоша начинаетъ горько плавать. По счастью является другой завсегдашій—грекъ Сянверли, тоже требуетъ водки, и между пріятелями завязывается бесѣда. Непріятная исторія позабыта.

Входитъ прислуга съ грязною керосиновою бутылкой.

— Дайте хунтъ газу.

Хохлы долго называли керосинъ газомъ. Андрюшка беретъ бутылку, взвѣшиваетъ ее и затѣмъ изъ большой жестянки начинаетъ наливать керосинъ. Хохлушка, закинувъ голову и раскрывъ ротъ, слѣдитъ за стрѣлкою вѣсовъ. Андрюшки это недоверіе не нравится, и онъ незамѣтно подтапливаетъ чашку вѣсовъ. Покупательница за свои четыре копѣйки получаетъ меньше фунта, но не замѣчаетъ этого и уходитъ. Антоша видитъ, что Андрюшка сплутовалъ, но молчитъ. Обвѣшиваніе и обмѣриваніе—въ порядкѣ вещей. Онъ уже давно привыкъ къ этому и думаетъ, что такъ и надо. Андрюшка съ Гаврюшкой даже споры ведутъ между собою на тему: кто изъ нихъ лучше и искуснѣе сплутуетъ.

Мало-по-малу начинаютъ появляться покупатели, и торговля оживляется:

— Фунтъ соли за двѣ копѣйки... За три копѣйки селедку... Копѣйку перцу... Четверть фунта рису... На три копѣйки ч...

Андрюшка и Гаврюшка суетятся съ самымъ дѣловымъ видомъ, а Антоша едва успѣваетъ получать деньги, сдавать сдачу

и записывать проданный товаръ въ разграфленную длинную и узкую книгу. Но цифры—все мелкія: двѣ, три копейки; рѣдко попадаетъ пятакъ. Но вотъ Антоша съ удовольствіемъ и съ гордостью записываетъ сразу восемьдесятъ копѣекъ. Чиновникъ коммерческаго суда купилъ полфунта табаку перваго сорта...

Къ двумъ завсегдатаямъ прибавляется третій, тоже усаживается и тоже требуетъ водки, а затѣмъ начинаетъ разговоръ о пожденіяхъ своей кухарки. Всѣ трое хохочутъ, а Николай Стаматичъ прибавляетъ:—Ты, Антоша, не слушай... Тебѣ еще рано...

Антоша не знаетъ, какъ ему быть и что отвѣчать. Ему хочется сказать:

— А вы не говорите того, чего мнѣ слушать нельзя. Ушей не оторвешь...

Но онъ боится сказать это, потому что завсегдатаи могутъ обидѣться и пожаловаться отцу, что онъ отбиваетъ покупателей. Вдругъ онъ прискачетъ со смѣху и скорѣе нагибается и дѣлаетъ видъ, будто онъ ищетъ на полу что-то, а самъ такъ и закатывается. Дѣло въ томъ, что гревъ Скизерли во время самаго разгара бесѣды внезапно вскочилъ на ноги, быстро нагнулся надъ ящикомъ, на которомъ сидѣлъ, и сталъ водить по его поверхности ладонью.

— Что такое?—освѣдомляются остальные завсегдатаи.

— А цортъ ево знаятъ, сто такое... Кололо мене, какъ съ иголкой. Крѣпко кололо...

— Можетъ, блоха укусила?

— Нѣтъ, блоха ни такъ кусаети...

— Ну, можетъ, тебѣ дѣтншки дома булавку въ скортукъ воткнули... Или самъ какъ-нибудь на булавку сѣлъ...

— А мозеть бить, мозеть бить,—соглашается Скизерли, успокоивается и опять садится.—У мене жена всегда булавки и иголки на диванѣ теряетъ...

У Андрюшки во все это время—самая невинная и самая невозмутимая и серьезная фізіономія. Онъ стонетъ за прилавкомъ какъ-разъ за спиною Скизерли и о чемъ-то размышляетъ. Но его серьезность еще болѣе смѣшитъ Антошу, и онъ никакъ не можетъ успокоиться. Онъ знаетъ, что Андрюшка такъ приладилъ внутри ящика иголку, что стонетъ только издали потянуть за незамѣтную ниточку, какъ она вопьется въ тѣло сидящаго и затѣмъ моментально исчезнетъ... Узнай объ этой штуцѣ Павелъ Егоровичъ—охъ-охъ-охъ, что было бы!...

Кстати онъ и лежокъ на поминѣ. Стоящій у дверей Гаврюшка оборачивается къ Антошѣ и заявляетъ:

— Папаша вдуть!...

Все въ лавкѣ принимаетъ степенный и серьезный видъ. Антоша берется за Псалтирь, Андрюшка начинаетъ оправлять мѣшокъ съ мукою, а Гаврюшка весь превращается въ олицетворенную бдительность, отъ которой не ускользнетъ ни одинъ проходящій мимо покупатель...

Павель Егоровичъ входитъ вмѣстѣ съ Сашей и прочими дѣтьми и начинаетъ степенно молиться на лавочный образъ. На лицѣ его—благочестіе и строгое умиленіе человѣка, два раза въ одинъ день побывавшаго у обѣдни; но лица у дѣтей выражаютъ крайнее утомленіе. По ихъ замученнымъ фигурамъ и блѣдной кожѣ видно, что спасеніе души дается имъ не легко. Помолвившись вмѣстѣ съ отцомъ на икону, они уходятъ въ домъ, къ матери, а Павель Егоровичъ, раскланявшись съ завсегдатаями и покосившись не безъ зависти на стоящіе передъ ними стаканчики, обращается къ Антошѣ съ вопросомъ:

— Что, починъ былъ?

— Былъ, папашенька. Рубля полтора торговали...

— Починъ—всегда дороже денегъ,—замѣчаетъ Павель Егоровичъ, заходитъ за прилавокъ и провѣряетъ книгу съ цифрами в кассу.

Антоша внутренно трепещетъ, не ошибся ли онъ въ какой-нибудь копѣйкѣ...

— А какъ, Палъ Егорчъ, насчетъ червячка заморить? — спрашиваетъ Николай Стаматичъ, указывая глазами на водку.

— Рановато будто бы,—благочестиво скромничаетъ Павель Егоровичъ.—Только-что обѣдня отошла... Проповѣдь была...

— Какое же рано? Самый адмиральскій часъ... Мы уже тутъ безъ васъ начали.

— Если такъ, то пожалуй,—уступаетъ Павель Егоровичъ.— Андрюшка, принеси четыре стаканчика водки!

Андрюшка стремглавъ бросается по лѣстницѣ въ погребъ.

— Папаша, мнѣ теперь можно идти? — робко спрашиваетъ Антоша.—Мнѣ надо уроки учить...

— А какому прочиталъ?

— Немножко прочиталъ...

— Иди. Только смотри, уроки учи, а не балуйся, а то...

Антоша степенно и благонаравно выходитъ изъ лавки; но шь только за нимъ, скрипя на блокѣ, захлопнулась дверь, веющая въ жилую половину дома, и лишь только открылся проуіръ большого двора, на которомъ уже раздавались голоса тѣвѣвъ, какъ вся степенность исчезла, и онъ помчался на го-

лоса и на просторъ, какъ птичка, долго томившаяся въ клеткѣ...

Едва-ли въ торговомъ дѣлѣ найдется другое заведеніе, которое, подобно бакалейной лавкѣ, такъ наталкивало бы молодежь на лганье, воровство и мелкое жульничество. Недоѣданіе и постоянный здоровый юношескій аппетитъ сами собою по-зываютъ на вражу съѣстного и лакомаго, а въ каждомъ незаконно съѣденномъ бубликѣ, пряникѣ или орѣхѣ хозяинъ видитъ для себя убытокъ и строго преслѣдуетъ. Торговля ведется по мелочамъ, и торговецъ стремится съ каждаго золотника товара взять барышъ. Андрюшка и Гаврюшка быстро проникаются этимъ духомъ и начинаютъ помаленьку обвѣшивать и обмѣривать покупателя. Сначала они думаютъ, что поступаютъ хорошо, потому что дѣйствуютъ въ интересахъ хозяина, но потомъ мало-по-малу входятъ во вкусъ и изощряются уже ради искусства. Не забываютъ они при этомъ и себя. Хозяинъ борется съ ними тѣмъ, что шьетъ имъ платье совсѣмъ безъ кармановъ. Но и эта мѣра не ведетъ ни къ чему. Дѣлая иногда по ночамъ періодическіе обыски, хозяинъ находитъ въ убогихъ сундучкахъ мальчиговъ банки помады, куски яичнаго мыла и двугривенные. Это возмущаетъ его, и онъ поретъ виновныхъ нещадно. Но еще болѣе возмущаетъ его та тонкость, съ которою помада и деньги похищены у него подъ носомъ. Онъ рветъ и мечетъ. Достается и „хозяйскому глазу“ за недосмотръ.

— Сидишь въ лавкѣ, свинья ты этакая, и ничего не видишь! — ворчитъ Павелъ Егоровичъ, грозно обращаясь къ Антошѣ. — Ты долженъ смотрѣть!.. Не стѣбитъ васъ, скотовъ; и въ лавку сажать послѣ этого...

Павелъ Егоровичъ и не подозрѣвалъ, какъ были бы счастливы его дѣти, еслибы ихъ избавили отъ сидѣнія въ лавкѣ, отъ упрековъ, отъ вѣчнаго страха быть высѣченными и отъ соверпанія порки, которую задаютъ Андрюшкѣ и Гаврюшкѣ за всякій пустякъ. Антонъ Павловичъ рассказывалъ потомъ, какъ анекдотъ изъ своей дѣтской жизни, что, будучи ученикомъ перваго класса, онъ „подружилъ“ съ однимъ изъ товарищей, такимъ же ученикомъ, какъ и онъ самъ, — и первый вопросъ, заданный другу, былъ такой:

— Тебя часто сѣкутъ дома?

— Меня никогда не сѣкутъ, — послѣдовалъ отвѣтъ.

Антонъ Павловичъ удивился и не повѣрилъ. Подростая и присматриваясь къ царящей кругомъ фальши, онъ однажды задалъ Андрюшкѣ вопросъ:

— Зачѣмъ ты обвѣшиваешь и обмѣриваешь покупателей?
Андрюшка широко раскрылъ глаза.

— А какъ же иначе? — отвѣтилъ онъ. — Если не обвѣшивать, такъ папашѣ никакой пользы отъ лавки не будетъ...

Въ головѣ гимназиста возникъ цѣлый рядъ вопросовъ и сомнѣній, и онъ пошелъ съ ними въ матери.

— Боже сохрани обманывать и обвѣшивать! — отвѣтила Евгения Яковлевна. — Если папаша узнаетъ объ этомъ, то страшно разсердится... Торговать нужно честно... Такъ и скажи Андрюшкѣ и Гаврюшкѣ.

Будущій писатель возвращался въ лавку успокоенный и убѣжденный въ томъ, что отецъ его — безусловно честный человѣкъ, и что Андрюшка и Гаврюшка плутуютъ отъ себя. Оно такъ и было на дѣлѣ: Павелъ Егоровичъ не допустилъ бы обвѣшивания. Но Антошу поражало противорѣчiе въ родѣ того, что въ лавку возвращается возмущенная покупательница, только пять минутъ тому назадъ купившая полфунта колбасы, и съ гнѣвомъ валываетъ Павлу Егоровичу, что она, придя домой, взвѣсила покупку, и что полного вѣса въ ней нѣтъ. Покупательница была права. Антоша самъ видѣлъ, какъ Андрюшка, отрѣзавъ колбасу и положивъ на вѣсы, подтолкнулъ незамѣтно пальцемъ чашку съ гирами. Но, въ его удивленію, Павелъ Егоровичъ, вмѣсто того, чтобы извиниться и удовлетворить обманутую покупательницу, очень своеобразно вступился за честь своей лавки.

— У насъ, сударыня, товаръ вѣшается вѣрно, — отвѣтилъ онъ. — Это у васъ, а не у насъ ошибка вышла. Это у васъ вѣсы не вѣрны. А можетъ вы дома отрѣзали кусочекъ и скушали?..

Женщина возражаетъ; возраженія принимаютъ острый характеръ и переходятъ въ крупный разговоръ. И все это изъ-за такого ничтожнаго ломтика, который не стоитъ и четвертой доли копѣйки. Но въ этомъ случаѣ Павелъ Егоровичъ твердо отстаиваетъ свой принципъ.

— Тутъ грошакъ убытка, да тамъ полушка, — смотришь, и набѣжать цѣлый гривенникъ убытка. А гривенники на улицѣ не валяются... Копѣчка рубль бережетъ...

Самъ по себѣ Павелъ Егоровичъ былъ безусловно честенъ, и жизнь свою былъ увѣренъ, что торговалъ честно, и умеръ этимъ убѣжденіемъ. Совѣсть его до конца дней была совершенно спокойна. Къ тому же и религіозныя убѣжденія отрицали все бы то ни было завѣдомое плутовство. Но при взглядѣ со стороны дѣло освѣщалось нѣсколько иначе: выходило, что со-

вѣсть и религія—сами по себѣ, а торговое дѣло—само по себѣ, и одно другому не мѣшаетъ.

Автоша да и вся дѣтвора Павла Егоровича отлично помнили своего рода праздниѣ, нѣсколько оживившій однообразную и скучную лавочную жизнь. Это былъ любопытный праздниѣ самыхъ неожиданныхъ находокъ. Въ какой-нибудь знойный іюньскій или іюльскій день, когда отъ томящей жары прячется въ тѣнь все живое и самъ Павелъ Егоровичъ дремлетъ, сидя за конторкой, на порогѣ лавки показывается длинный, сухой и весь покрытый потомъ еврей Хаймъ. На плечѣ у него полный мѣшокъ. У Хайма такой страдальческій видъ, какъ будто бы въ мѣшкѣ—не менѣе десяти пудовъ, и онъ обязанъ за чьи-то грѣхи таскать эту тяжесть по городу въ такую адскую жару. Сваливая мѣшокъ на полъ, онъ произноситъ тономъ умирающаго человѣка:

— Уфъ! Ужарился... Только для васъ и принесъ у въ таково погоду...

Проснувшійся отъ дремоты Павелъ Егоровичъ окидываетъ лѣнивымъ взглядомъ мѣшокъ и законически спрашиваетъ:

— Сколько?

— Двадцать хвунтовъ... Хоть свѣшайте, — отвѣчаетъ Хаймъ.

— Не надо, — зѣвая, говоритъ Павелъ Егоровичъ. — Еще старшій не проданъ.

На лицѣ Хайма изображается разочарованіе, но потомъ смѣняется надеждою.

— Возьмите, пожалуйста, — проситъ онъ. — Теперичка я дешево отдамъ, чѣмъ тотъ разъ...

— Нѣтъ, не надо. Неси назадъ...

— Накажи мене Богъ, за дешево отдамъ!..

Начинается торгъ. Хаймъ запрашиваетъ два съ полтиною. Павелъ Егоровичъ даетъ рубль. Послѣ долгихъ и усиленныхъ переговоровъ, сопровождаемыхъ божбою и клятвами, сходятся на полутора рубляхъ.

— За пустымъ мѣшкомъ завтра придетъ. Сегодня пересыпать некому.

— Хорошо, — соглашается Хаймъ. — Дайте хоть капельку воды напиться. На дворѣ все равно, какъ у въ пеклѣ...

По уходѣ Хайма, по всему дому и по двору раздается кличъ:

— Дѣти! Саша, Коля, Автоша! Идите чай выбирать!

Дѣти гурьбою устремляются въ комнату и усаживаются съ шумомъ вокругъ обѣденнаго стола. На серединѣ стола, на листѣ оберточной сѣрой бумаги возвышается гора чая, купленнаго у Хайма.